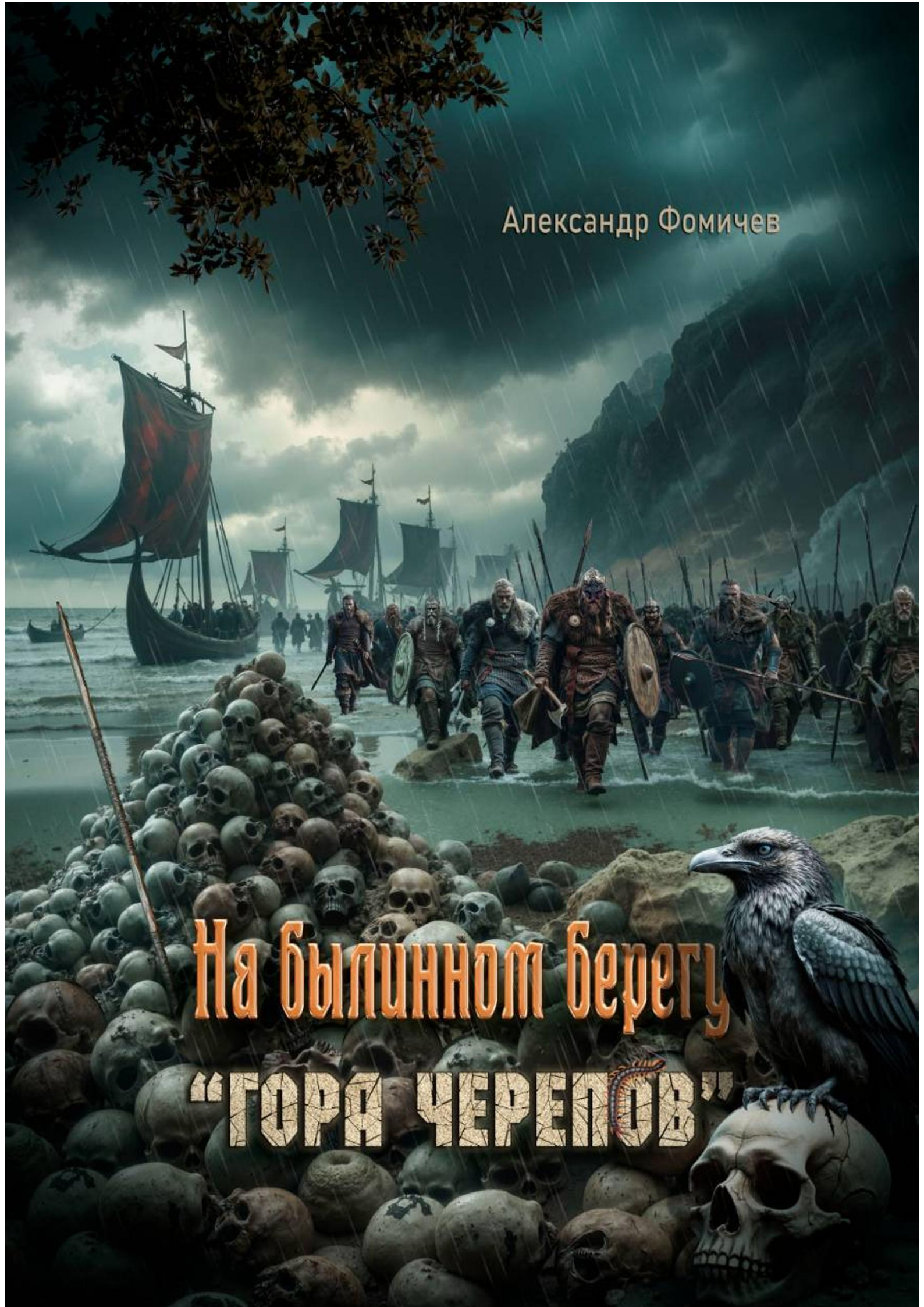

Александр Фомичев

На былинном берегу
"ГОРА ЧЕРЕПОВ"

Александр Фомичев

На былинном берегу. Гора черепов

«Автор»

2026

Фомичев А.

На былинном берегу. Гора черепов / А. Фомичев — «Автор»,
2026

В те незапамятные, стародавние времена, когда ещё не все люди разучились понимать язык зверей и птиц, высилась на былинном берегу мрачная гора полуистлевших человеческих черепов, служившая явным предостережением для всех чужестранцев, кто посмеет без приглашения заявиться на сию таинственную землю. Но высаживающихся на загадочное побережье отчаянных викингов было, конечно, не остановить.

© Фомичев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Прибытие	5
Глава 2. Избушка отшельника	8
Глава 3. Дурные вести	13
Глава 4. Лесной Совет	17
Глава 5. Горький смех	21
Глава 6. Под кроной тысячелетнего дуба	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

На былинном берегу. Гора черепов

Глава 1. Прибытие

На южном побережье Ледяного моря

Стоял конец сентября. Полдень. Мрачные небеса до самого горизонта заволокли клочковатые сизые облака, казалось, навсегда скрыв уже порядочно времени не греющее солнце. Весь день накрапывал противный осенний дождик. Пронизывающий до костей холодный ветер гулко завывал по окрестностям, своими резкими порывами регулярно сгибая подпиравшие небосвод верхушки могучих деревьев бескрайнего древнего леса, высившегося недалеко от южного побережья Ледяного моря. Для первого месяца осени погода была совершенно отвратительной; в столь унылую пору, как принято говорить, хозяин собаку на улицу не выгонит. Но не всем сиделось дома, ох не всем.

Величавые быстроходные драккары, чем-то отдалённо напоминающие собой хищных рыб-ин вроде тигровых акул, один за другим решительно врезались киями в прибрежную песчаную отмель. Головы драконов грозно взирали с форштевней прибывших кораблей. Флотилия викингов, насчитывающая двенадцать судов, в том числе и парочку пузатых кнорров, приставала к таинственному безлюдному берегу уверенно, по-хозяйски. Так, словно это земля северян. Что на самом деле было очень далеко от истины. Однако самоуверенных норманнов сей факт не смущал ни капли. Привыкшие брать силой всё, что им приглянется, наглые северные завоеватели уже считали эти лакомые уголья своими.

Точнее, в первую очередь так считал видный представитель древнескандинавского племени норегов, конунг Сигурд Янтарный, первым спрыгнувший на широкую песчаную косу с самого большого драккара своей флотилии, доставившей на легендарное для северян побережье под девять сотен верных ему воинов. Легендарной же облюбованная для поселения территория у высаживающихся викингов слыла по одной очень простой и вместе с тем очень таинственной причине: с разной периодичностью, сколько поколений норманнов ни приставало на акулообразных ладьях к данному мифическому берегу, домой никто из них так и не вернулся. Ни один. Потому и называли нореги эти земли Запретными. Или Проклятыми. Что, впрочем, не помешало упёртым варягам спустя много лет снова завалиться со своим уставом в чужой монастырь. Жизнь, конечно, любит преподавать уроки. Да не все их усваивают.

Тем временем конунг Сигурд, среднего роста крепкий викинг лет сорока на вид, одетый в добротную льняную рубаху, кожаные штаны и сапоги, слегка поёжился, после чего запахнул на себе подбитый мехом горноста, прекрасного качества плащ и, тряхнув ярко-рыжей копной волос, благодаря которой и получил прозвище Янтарный, настороженно осмотрелся. Вроде бы ничего примечательного: широкая полоса безлюдного песчаного морского берега, за коей возвышается непролазная чащоба не тронутых человеком вековых деревьев. На первый взгляд, данная прибрежная зона ничем не отличалась от десятков и сотен себе подобных, видимых бывалым мореходом в своей богатой на приключения жизни.

Но что это? Внимание вождя норманнов привлёк некий странный, явно рукотворный холм, располагающийся у самой кромки леса, на небольшой возвышенности так, чтобы его было хорошо заметно издали. В первую очередь незванцам, неожиданно-негаданно явившимся из-за моря. Странен же необычный холмик был тем, что, благодаря которому день моросящему дождю, отмывшему страшное содержимое приметного взгорка от грязи и пыли, издали причудливая круча казалась сложена из чего-то наподобие искристого, самого настоящего свежевыпавшего зимнего снега, хотя до первых заморозков оставалось ещё как минимум несколько седмиц, а то и вовсе пара месяцев.

Сигурд нахмурился, благодаря чему его надменное скуластое, с ястребиными чертами лицо приняло крайне неприятное, даже пугающее выражение. Что так тоскливо может белеть вдалеке, он отлично знал, ибо не раз встречался со смертью лицом к лицу. И каждый раз конунг выходил победителем из таких опаснейших встреч, знатно закаливших его дух и тело.

Позади предводителя норегов раздались тяжёлые шаги, и знакомый гортанный голос зычно гаркнул ему на ухо:

– Ты видишь на этом проклятом самими богами берегу то же, что и я, конунг Сигурд? Мне ведь не мерещится: то, что там белеет, очень похоже на сваленные в кучу кости... или, скорее, черепки! И, клянусь Одним, их там целый курган!..

Янтарный слегка повернул голову к говорившему, здоровенному черноволосому норманну за два метра ростом, вставшему справа подле своего владыки, и глухо произнёс: – Пожалуй, ты прав, ярл Бодвар. По крайней мере, издалека именно так и выглядит сей дивный бугорок... Но чего гадать? Пойдём позыркаем поближе, так ли ента на самом деле!

Сказано – сделано. И вот два викинга, конунг и его ближайший соратник, могучий варяг Бодвар по прозвищу Таран, спустя несколько минут уже стояли шагах в семи от возвышающейся перед ними внушительной горы человеческих черепов высотой под пару метров и диаметром не менее четырёх да внимательно её рассматривали. Не проронив при этом ни слова.

– Однако раньше сия жутковатая горка определённо была повыше, – Бодвар, озадаченно потеревив одну из трёх толстых кос, искусно сплетённых из его окладистой, каштанового цвета бороды, первым прервал затянувшееся молчание. – Обрати внимание, конунг: нижние черепки уже практически в труху обратились и просели под тяжестью тех, что...

– Накидали выше, – закончил за верного боевого товарища его мысль Сигурд. – Ты прав, слой костей не однороден, чем ниже черепа, тем они древнее. Соответственно, самые свежие лежат наверху... Хотя свежими, конечно, их можно назвать с очень большой натяжкой, лет под восемьдесят самым новым из них, если не больше.

– Сколько там годков назад ярл Вебранд Толстогоб со своим кланом Пятнистого Оленя отчалил от наших берегов до здешних угодий? – задумчиво спросил Таран, после чего сам же и ответил на свой вопрос: – Как раз около восьми десятков лет и минуло! Кажись, теперь понятно, почему они не воротились. Кто-то их тугова того... убаял! Вечным сном...

– Ну а кто это мог сделать, полагаю, мы скоро выясним! – раздался за спиной у варягов неприятный скрежещущий голос, сильно похожий на скрип давно не смазываемых ржавых дверных петель.

Сигурд и Бодвар тут же резко развернулись и молча уставились на замершего за ними в нескольких шагах худощавого человека роста чуть выше среднего, укутанного с головы до пят в чёрный мешковатый балахон с низко надвинутым на лицо глубоким капюшоном. Про себя конунг с ярлом недовольно отметили, что обозначившийся позади жрец умудрился подойти к ним с тылу неслышно и незаметно. В который уж раз.

– О чём ты толкуешь, Хемминг? – Янтарный вопросительно прищурился. – Здесь же безлюдно, как в заднице у горного тролля! Или же ты собираешься с помощью своего тёмного колдовства полялякать с черепами усопших?

– Так ли уж здесь безлюдно, конунг? Сильно сомневаюсь, – чародей скептически покачал головой. – Ну а вещать мне с давно павшими без надобности; зачем тратить на лишнюю суету уйму времени и сил, когда можно порасспросить живых?

С этими словами мрачный жрец откинул с моськи капюшон, показав свою неприятную угловатую физиономию мертвенно-бледного, землистого цвета. Волосы у неопределённого возраста мага были жиденькие и блеклые; на темечке чернокнижника имелась приличного размера морщинистая лысина, а от некогда густой бороды некроманта, нынче представлявшей собой лишь пару куцых косичек, сохранилось фактически одно только название. Сколько Хеммингу точно лет, не знал никто из викингов. Как они неприязненно шушукались за его спиной,

этого не ведал и сам колдун. Но то, что он был, мягко говоря, не юн, сомнений не вызывало ни у кого, ибо давно уж не осталось в живых людей, помнящих тёмного кудесника в молодости. «Порядочно за сотню ему», – уверенно шептали некоторые долгожители на Севере про возраст чародея. И данное предположение было очень недалеко от истины.

Тем часом волшебник поднял левую длань и тонким, как лучина, указательным пальцем ткнул в юго-восточном направлении. Его собеседники обернулись и тут же поняли, о чём говорил Хемминг: там, на юго-востоке, шагах в семистах от морского побережья, вздымалась в небеса тонкая, едва заметная светлая струйка дыма. В столь ненастную погоду такая могла образоваться только от домашнего очага. Похоже, относительно недалеко имеется людское жилище и кто-то совсем недавно принялся готовить себе обед.

– Ну надо же! Никак, варганят трапезу в честь нашего прибытия! – Сигурд недобро осклабился, а затем посмотрел на суетящихся на берегу воинов. Высадка шла полным ходом. – Вот что, Бодвар, – предводитель норманнов покосился на широкоплечего ярла. – Собери-ка ты немедленно из тех, кто уже топчет пятками это проклятое побережье, ватажку рыл на сто да пошли шустренько проведем, чего там такое вкусное варится! А то меня уже от вяленого мяса и рыбы мутить начинает!

– Будет сделано, конунг! – задорно отчеканил рослый варяг, после чего зычным голосом принялся подзывать к себе тех из норегов, кто попался ему в поле зрения. Стараясь выбирать при этом проверенных воинов, с которыми не единожды бился плечом к плечу. – Альрик, Фригг, Ганвор, Барди, Видар, Арнульв, Гюнтер!..

– Я иду с вами, – сухо проронил худощавый колдун. Он не спрашивал разрешения, а просто констатировал факт.

– Как знаешь, – Сигурд возражать не стал. Предводитель викингов вообще редко перечил своему чародею, точно таким же безапелляционным тоном перед самым отплытием заявившему, что отправляется в данное, полное опасностей странствие вместе с ними.

Тем временем требуемая Янтарным сотня бойцов была набрана крайне оперативно. И вот дружина норманнов, за время плавания страсть как соскучившаяся по твёрдой земле, славным битвам, хмелю да свежему мясу, а ещё убийствам, разбою и блуду, лёгкой рысцей направилась в сторону виднеющегося дымка, очень быстро растворившись в лесной чащобе.

Не с добрыми намерениями пожаловали в неведомую для них местность варяги, ох не с добрыми.

Глава 2. Избушка отшельника

На юго-востоке, в семистах шагах от места высадки викингов. Спустя полчаса

Неказистая, маленькая, но крепкая деревянная изба весьма гармонично смотрелась под сенью разлапистого двухсотлетнего вяза, росшего на окраине небольшой лесной полянки. Слева от уютного домишки притулился такой же невзрачный, но опять же надёжный приземистый сарайчик, справа – добротный курятник с десятком несущих и разудалым хохлатым петухом, исправно голосящим по утрам на всю округу. Позади лачуги находились забитая дровами поленница и непритязательный нужник.

Прямо перед жилой хатой стояла небольшая стряпущая хибарка, представлявшая собой простейшее, квадратной формы строение с четырьмя стенами без окон и косой крышей. Комната в поварне имела всего одна, и её центром был обложенный внушительными булыжниками очаг, располагавшийся в неглубокой, вырытой в земле яме.

В очаге весело потрескивал огонёк, над которым болтался железный котелок весьма скромных размеров, подвешенный за крюк к толстой сучковатой перекладине, державшейся на двух вкопанных в землю, массивных рогатинах. В котле варилась уха, разнося бесподобный аромат по близлежащим окрестностям; от того же очага шёл и сизый дым, стройная струйка коего предательски уверенно вырывалась наружу через примитивный дымоход в крыше и далее устремлялась прямоком к рваным облакам, заставшим нынче пасмурные небеса до самого горизонта.

В стряпной лачуге также имелись простецкий рукомойник, три полки под пару-другую плоских, кружек и ложек да грубо сработанный стол с двумя стульями. В левом углу лежали охапка хвороста и несколько кусков бересты для розжига. Чуть выше, на вбитых в стену кольшиках висел тяжёлый двуручный топор со знатно потёртой рукоятью. На столе стоял слабо чадивший на барсучьем жире, выдававший виды светильник. Рядом с ним расположились разделочная доска и тесак для мяса и рыбы. Ещё одна горящая старая лампада была подвешена по центру кашеварни за цепь к потолку. Периодически проникающие сквозь дверную щель резкие порывы ветра еле-еле раскачивали её, словно маятник, отчего лампадка тихо и монотонно поскрипывала тоскливым скрежетом трущихся друг о дружку цепных звеньев.

Перед очагом сидел на поставленном на попла массивном чурбачке давно уже сгорбившийся под тяжестью прожитых лет, практически полностью седой старик, одетый в холщовую рубаху до колен да подпоясанные гашником сермяжные шаровары. За пояс у него был заткнут верный нож. На ногах – выдававшие виды онучи с поршнями. Несмотря на свои без малого восемьдесят девять лет и старческую сутулость, был он до сих пор ещё высок, широк в плечах и крепок телом; изрезанное морщинами бесхитростное лицо его имело правильные черты, а в зелёных глазах добровольно уединившегося от мирской суеты отшельника в свете огня поблёскивал изумрудными переливами незамутнённый прожитыми годами разум.

Звали пожилого затворника Любодар, и был он единовластным хозяином стоявшего далеко на отшибе неприметного хутора. Впрочем, как и значительную часть времени в году единственным его жильцом. Но пару дней назад всё изменилось: из Нижнего Брода, селения, располагавшегося десятком вёрст восточнее, вот уж как третью годину с наступлением холодов присылала ему не забывающая про упрямого старика семья на подмогу внука, и тот оставался с дедом до поздней весны, пока не зазеленеет трава да не начнут цвести луговые цветы.

Пятнадцатилетний Белослав в очередной раз был отправлен отцом в помощь деду пережить зиму: дровишек принести да наколоть, силки на дичь и зайца расставить, рыбки наудить в ближайшем заливе Ледяного моря, воды ведёрко-другое приволочь из незамерзающего даже зимой бойкого лесного родничка, струящегося из-под земли недалеко от облюбованной сего-

власцем поляны; да мало ли ещё чем помочь по хозяйству своенравному родичу, внезапно решившему стать отшельником чуть более двадцати лет назад.

Отговорить пытались тогда Любодара от столь опрометчивого шага всей семьёй, но упрямый старик даже слушать ничего не захотел; он просто жажнул по столу кулаком и сказал, что так ему повелели явившиеся во сне боги, приказы которых, как известно, обсуждению не подлежат. После чего уговоры закончились; родне стало понятно, что решение ершистым дедом принято твёрдое и окончательное. Против воли богов и правда ведь идти не след, так ведь можно и беду накликать на весь род.

Вот и уединился Любодар в лесной пуще, всего шагах в семистах от побережья Ледяного моря. И сейчас он сидел и ждал отправившегося проверить охотничьи ловушки Белослава, попутно готовя им обоим на обед наваристый рыбный супчик.

Старик хоть и в очередной раз поворчал для порядка, что, мол, няньки ему ни к чему: он-де со своим нехитрым хозяйством и сам превосходно справляется, но внука всё же от себя гнать не стал. И с родными не хотел окончательно разругаться, и Белослава не желал обидеть подобной грубостью; тому ведь, без сомнения, в радость было с уважаемым дедушкой пожить да подсобить, чем можно. Внучок явно ощущал свою значимость и считал себя уже взрослым, когда раз за разом с кипучим энтузиазмом выполнял поручения старейшего члена семьи. Любодар над таким рвением лишь добродушно посмеивался себе в бороду, но вслух ничего не говорил; Белослав уверен, что занят важным делом, так зачем его в этом разубеждать? Тем паче, что так ведь, пожалуй, взаправду и было; отшельник не хотел признаваться даже самому себе, что любимый внук появился к нему как нельзя вовремя. Одному ведь хорошо, но вдвоём – проще. Особенно когда ровно девять десятков лет не за горами.

Любодар ещё раз помешал деревянным ковшом ароматное варево, затем зачерпнул из котла полчаши и поднёс ко рту так дразнящую обоняние горячую похлёбку. Пару раз дунув на неё для порядка, старик придирчиво попробовал на вкус получившуюся уху и довольно икнул:

– Кажись, готово!

«Но что ента? – Любодар вскинул голову и наострил уши. – Стремительно приближающийся бег».

Кто-то, не скрываясь, вылетел из чащобы со стороны Ледяного моря и без оглядки помчался к стряпущей избе.

«Белослав, его ходульки наверняка! – узнал дед внука по топоту. – Но что стряслось? Он явно нешутейски взволнован! На пещерного топтыгина, что ль, опять наткнулся? Аль в этот раз на саблезубого льва? Может, волки пужанули? Да вряд ли: мир у нас покамест со здешним зверьём. Пусть и очень хрупкий».

– Деда!.. – Белослав буквально влетел в поварню. – Дедушка! Туши костёр! Там, там... – внук сильно запыхался, отчего у него знатно спёрло дыхание.

– Чавось там, дитятко? – Любодар внимательно посмотрел на взволнованное, раскрасневшееся лицо Белослава. Первый пушок только-только начал появляться у него на подбородке, делая усыпанную конопушками физиономию внука ещё более забавной. – Чаво стряслось?

– Беда, деда! – наконец, выпалил Белослав. – На побережье незваные гости! Много! Несколько сотен чужестранцев прибыли из-за моря! Все вооружены до зубов! А на носопырках их ладей – драконьи головы! Точь-в-точь, как из рассказов старейшин!

Внук уставился на грозно сдвинувшего брови Любодара, тут же без жалости перевернувшего чан с рыбной похлёбкой на очаг, и уже сквозь повалившийся едкий дым еле слышно выдохнул:

– Это они, деда?! Ента варяги?..

– Похоже, что они, – Любодар тяжело вздохнул, встал, после чего развернулся, протянул всё ещё крепкую руку и с удивительной для своего возраста лёгкостью снял со стены тяже-

ленный двуручный топор. – Кажись, наша тихая жизнь закончилась... Тебя чужаки видели? – старик сурово сдвинул косматые брови и вопросительно зыркнул на внука.

– Вроде нет, – не очень уверенно ответил конопатый юноша. – Я из-за ёлки на них поглазел мельком и опосля дал дёру сюда, когда понял, что они заметили дым из поварни! Деда, надо тикать, покамест не поздно! Северяне скоро будут здесь!

– Ента как пить дать, – согласно кивнул старик, а затем взял внука за плечи и мягко, но настойчиво вывел из стряпной избушки. – Вот ты, малец, ща первым делом и тиканёшь до Лосиной горы да запалишь там сигнальный костёр, давно уж своего часа дожидаящийся! После чего дуй шустрым зайцем до ближайшего селения, то бишь до Поречья, так, словно по багровым уголькам сигаешь! Как прибежишь в деревню, далее мчи сразу к тамошнему старосте Волибору. Ему всё и расскажешь, чаво лицезрел на морском берегу. Усёк?

– Усёк! А как же ты, деда?.. – Белослав растерянно заморгал.

– А я вот прямо за тобой, внучок, и поковыляю, не переживай, – Любодар обнадеживающее улыбнулся. – В хибарку только заскочу, возьму пару-другую вещичек и сразу выдвигаюсь!..

– Я тебя дождусь и не брошу, дедушка! – недовольно просопел накуксившийся мальчишка, упрямо выпятив нижнюю губу. – Я...

– У нас нет времени на бестолковые споры! Посему марш стрелой на Лосиную гору! А опосля в Поречье! – в голосе Любодара зазвенел металл. – Немедля!

Белослав разом оробел. Так, не терпящим возражений тоном с ним дед разговаривал до этого момента лишь единожды; когда в том году уверенно встал между внуком и замершим напротив него огромным пещерным медведем, после чего, не оборачиваясь, велел мальчику бежать на хутор. Что Белослав, слегка поколебавшись, и сделал, ибо перечить старшему в семье не решился.

– Повезло, что не шатун; погутарили с потапычем да разошлись по-доброму, – проворчал тогда по возвращении домой Любодар. – Решили, что негоже соседям ссориться. Ты же, оболтус белобрысый, запомни одно: если я что-то приказываю – выполнять шустро и без тени сомнений! Понял?

– Понял, – стыдливо промямлил тогда внук, порядочно перетрухавший при виде выросшего у него на дороге здоровенного хищника, способного одним ударом своей могучей лапы снести взрослому человеку голову с плеч. Про конопатых юнцов уж и говорить не приходится.

Белослав и правда тогда понял, что перечить деду не след, потому нынче мигом крутанулся на месте и драпанул на юго-восток, в сторону Лосиной горы. Но не пробежал оголец и десятка метров, как вылетевшая из чащи стрела вонзилась точнёхонько в затылок несчастному мальчонке, да ещё с такой силой, что у него аж оба глаза из орбит выбило. Белослав даже не пискнул; он умер мгновенно, ещё до того, как спустя секунду его тело с размаху шлёпнулось на сырую землю, по инерции проскользив по грязи пару метров. Из страшной раны на голове обильно шла кровь, быстро образовывая под некогда русой, а теперь знатно заляпанной багрянцем макушкой бедного парня густую алую лужицу.

– Хо-хо! Клянусь молотом Тора, это был славный выстрел, Арнульв! – раздался из леса чей-то восхищённый гортанный вопль. – Этот сопляк даже не крякнул перед смертью! Сам Ульв наверняка сейчас уважительно цокнул языком! Ибо бог охоты уж в чём в чём, а в стрелах и луках сечёт лучше всех!

Из чащи, во главе с конунгом Сигурдом Янтарным, вразвалочку вышли викинги числом не менее сотни рыл и с обнажёнными мечами да топорами вальяжно, с нахальными улыбочками и едкими пересмешками потопали к застывшему в оцепенении Любодару. Старик же не мог оторвать ошарашенного взгляда от бездвижного тела только что так хладнокровно убитого внука, по сути, ещё несмышлёного юнца, толком и пожить не успевшего.

Но вот Любодар, ни вскриком, ни уж тем более слезливыми стенаниями не показавший накатившего на него, словно неудержимым цунами, безмерного горя, с каменным лицом мол-

чаливо и вместе с тем цепко осмотрел лениво приближающихся к нему варягов. Сразу заприметив лучника, не спеша потянувшегося к заплочному колчану за стрелой взамен только что пущенной с тетивы, старик дождался, когда вражины приблизятся к нему на дюжину шагов, после чего прищурился и едва уловимым, оттачиваемым десятилетиями движением выхватил из-за пояса нож и на том же коротком замахе метнул его.

Стрелок, отвратно гогочущий над какой-то очередной плоской шуткой своих приятелей, внезапно умолк, остановился, затем захрипел, выронил из рук лук и схватился за горло, из которого обильно хлынула кровь. До сих пор верный глаз не подвёл Любодара: волнистый булат зашёл туда, куда и метил старец, а именно точно под подбородок убийце Белослава.

Самодовольный хохот и скабрёзные остроты тут же стихли, викинги оторопело усталились на Арнульва, рухнувшего плашмя с ножом в глотке. Затем норманны перевели недобрые взгляды на седовласого отшельника. Тот, крепко сжимая в руках топор, недвижно стоял в кольце врагов, словно старый волк, окружённый стаей молодых гончих псов. Любодар знал: это его последний бой в жизни. И задача у старого воина была только одна: попробовать забрать с собой на облака ещё кого-нибудь из наглых пришельцев.

– Что ж, кровь за кровь, всё по справедливости, – обронил могучий Бодвар, после чего уверенно вырос перед отшельником. В лапах у норега поблёскивала смертельными бликами добрая двуручная секира, которую он играючи перекинул из одной ладони в другую. – Но давай поглядим, умеешь ли ты что-то ещё, трухлявый пень, помимо метания ножей!

– Вы все здесь сдохнете, собаки! – гневно выдохнул Любодар, опосля обеими руками быстро занёс топор к небесам да отчаянно бросился на черноволосого северянина. Широкоплечий ярл, будучи чуть ли не втрое моложе седого оппонента, неуловимым движением ловко увернулся от прямого удара, при попадании развалившего бы его до пояса, а затем на замахе крутанулся и точно рубанул в ответ. Седовласая голова отшельника с характерным чавканьем отделилась от тела и глухо шлёпнулась на землю. Спустя пару секунд, словно бы нехотя, следом за маковкой осело и туловище Любодара; кровавой фонтанчик из разрубленной одним ударом шеи знатно окропил близстоящих викингов.

– Только после тебя, старый хрен, только после тебя, – пренебрежительно хмыкнул Таран. Далее страсть как довольный собой дюжий норега присел и буднично обтёр лезвие секиры о рубаху убитого Любодара.

– Здесь никого более нет! – тем часом гаркнули из жилой избышки. Викинги уже всю деловито обшаривали хутор. – Похоже, лишь дед и мальчишка тут обитали!

Один из норманнов, Ганвор, равнодушно перешагнул через обезглавленное тело Любодара и зашёл в стряпущую лачугу. Спустя секунду оттуда раздалась отборная ругань, за которой последовал недовольный гортанный вопль:

– Вредный старикашка котёл со жратвой в костёр вылил! Дрянь какая, а!

– Сделал он это не из вредности, а для того, чтобы погасить огонь. Да только поздновато спохватился, дым мы уже заметили, – задумчиво пробурчал конунг Сигурд, внимательно оглядываясь. – Что это? – пристальный взор вождя северян упёрся в стоящую на противоположном конце поляны внушительную деревянную мужскую фигуру в человеческий рост высотой.

Варяги подошли и принялись с любопытством рассматривать искусно вырезанное из дуба, вкопанное в землю массивное изваяние, изображавшее неведомое им божество. Мужественное лицо его под нахлобученным на голову шлемом грозно хмурилось, на теле красовалась великолепная кованая кольчуга. В ногах у кряжистого небожителя, придерживаемые могучими руками, стояли боевой топор и каплеобразный, сужающийся книзу щит.

– Я встречал уже такие изображения лет десять назад. Вышиты они были в районе сердца на рубахах плечистых русоволосых воинов, прибывших со своим купцом на остров Гузро, на местный базар. Это Перун-Громовержец, – раздался скрипучий неприязненный голос колдуна Хемминга. – Бог русичей. Следовательно, можно предположить, что мы заявили на их пле-

менные земли. Честно говоря, не уверен, что это хорошо: те могутные витязи, сопровождавшие тамошнего барышника, показались мне суровыми мужами, с которыми лучше не ссориться. Я тогда так думал совершенно искренне и даже не предполагал, что в скором времени столкнусь с русами снова, но уже в качестве заклятого врага. Но всё же данная оказия приключилась: нынче мы только-только соприкоснулись с их миром, и, как мне представляется, явно не с того началось наше с ними знакомство. Но что тут поделаешь, воротить взад уже свершившееся не выйдет, как ни пыжся. Посему быть вражде...

– Ты хочешь сказать, что Запретные земли – родина русичей, легендарного народа воинов? Я краем уха слышал об этой далёкой и таинственной стране, наши собратья из племени свеев величают её Гардарикой и в одну голосину крайне уважительно верещат, что русов лучше не злить, уж больно они сердючие, злопамятные да колючие, – Бодвар беспечно хмыкнул и скептически вскинул брови. – Но древние сказания и пьяные свеи явно приврали об их удали, ибо эти двое, – Таран небрежно кивнул в сторону убитых Любодара с Белославом, – меня совсем не впечатлили!

– Ты судишь о воинах русичей по безумному мальцу и седовласому старцу, к коим мы неожиданно-негаданно нагрянули целым хирдом? – Хемминг удивлённо покосился на слегка смутившегося Бодвара, после чего продолжил: – Обожди немного, могучий ярл. Полагаю, скоро мы познакомимся поближе как с их витязями, так и с их чародеями, – черноволосый маг пристально уставился на восток, словно пытаясь взглядом пронзить непролазные дебри, раскинувшиеся на много вёрст вокруг.

– Ха! Громовержец? – между тем уничижительно воскликнул Янтарный. – Бог грома и молний лишь один есть, и звать его Тором, сыном Одноглазого Повелителя Воронов!

С этими словами вожак северян выхватил из-за пояса одноручный чекан и ловко бросил его в застывшее напротив славянское божество. С расстояния в десяток шагов промахнуться было невозможно, и топор смачно впился в грозную физиономию Перуна. Примеру своего конунга, под одобрительную ухмылку Хемминга, тут же последовали остальные викинги, принявшись с азартом и презрительным гоготом метать в бога русичей ножи и колуны, скоро не оставив живого места на фигуре Громовержца.

Наконец Сигурд, всласть накуражившись, с хищным оскалом ещё раз огляделся и принял решение, которое тут же и озвучил:

– Луговина-то недурственная! Пожалуй, здесь и встанем военным лагерем! Расширить бы только надобно... Эй, Вигге, – велел он одному из своих ватажников. – А ну, дуй на побережье и покажи оставшимся, куда топать! Тутова будет наше первое селение в моих новых владениях. И назову я наш новый дом – Логигард!

– Огненный город? – ярл Бодвар вопросительно покосился на Сигурда.

– Ну да! – конунг раскатисто рассмеялся, а затем несильно подёргал себя за рыжие космы. – В честь моей пламенной шевелюры и наречём!

«Главное, чтобы это название не оказалось пророческим. Ведь известно даже младенцу: как ладью назовёшь, так она и поплывёт», – хмуро подумал про себя Бодвар, в груди которого молнией вспыхнула некая тревожная искорка. Впрочем, дурное предчувствие столь же стремительно рассосалось, как и возникло.

Тем временем никто из веселящихся норегов не обратил внимание на крупную сову, недвижно сидящую на ветке одной из раскидистых елей на окраине поляны. Потревоженная неожиданным нашествием дружины норманнов, а точнее, производимым ими шумом, серого окраса неясить, изредка мигая жёлтыми глазами, с крайним неодобрением и вместе с тем внимательно рассматривала прибывших чужаков. Но вот сова, решившая, что видела достаточно, плавно взмахнула крыльями и бесшумно полетела в восточном направлении. Определённо, ей было что рассказать тем, кто умел и слушать, и слышать. А точнее, понимать язык зверей да птиц и даже говорить на нём.

Глава 3. Дурные вести

Спустя минут двадцать. В семи верстах от хутора Любодара

– Это мой олень, Бархаз! – глухо прорычал здоровенный саблезубый черногривый лев весом под четыреста килограмм. – Отдай мне его, и я тебя более не побеспокою!

– С чего бы он твой, Усвар? – недоумённо фыркнул в ответ огромный пещерный медведь, бывший как минимум вдвое тяжелее клыкастой кошки. – Видишь вот этот ручеёк? По нему проходит граница между нашими охотничьими угодьями! И я словил добычу на своей территории! Посему она моя! По праву!

– Я терпеливо поджидал этого осторожного рогача на тропе, ведущей к водопою, затем сиганул на него из кустов и лишь чуть-чуть промазал, но всё же знатно распорол ему левое бедро! – упрямо произнёс могучий, песочно-дымчатого окраса хищник из семейства кошачьих, по вполне понятной причине, помимо имени, ещё известный среди лесных обитателей под прозвищем Саблезуб. – Посмотри внимательно: у него на ляжке следы моих когтей! И с такой страшной раной он далеко бы не ушёл! Ну а то, что олень изыскал в себе силы и перепрыгнул через ручей, как оказалось, прямо тебе в лапы, так ента наверняка была его последняя в жизни отчаянная натуга; более он не промчал бы и десятка шагов, как я бы его нагнал и сцапал! Так что, потапыч, верни мне – моё! Я сделал основную работу, потому это не твой обед! Отдай мне рогатого!

– И не подумаю! – возмущённо пророкотал Бархаз, явно не собираясь убирать мощную лапу с окровавленного тулова распростёртого перед ним крупного марала. – Разве это моя проблема, что ты упустил подранка и он успел прибежать на нашу территорию?

– Эта проблема станет твоей, не сомневайся! – саблезубый лев недобро оскалился. – И очень скоро!

– Да неужели? Угрожаешь? – бурый топтыгин отступать не намеревался. – Гляжу, ты совсем обнаглел, Усвар!

Сей весьма занимательный диалог между двумя могучими хищниками, как уже упоминалось, проходил на стыке их ареалов обитания, разделённых небольшим лесным ручьём. На левом берегу данного ручейка стоял пещерный медведь над задраным им с минуту назад благородным оленем, на правом же – вострозубый кошак, незнамо каким чудом позволивший рогачу выскользнуть из своих цепких когтей. Два передних, двадцатисантиметровых саблевидных клыка золотисто-серого льва же лишь впустую клацнули по воздуху, так и не успев впиться в горячую плоть столь вожаемого травоядного животного. В момент прыжка из засады Усвар в сладких грёзах уже видел добычу своей, потому ему было упускать её очень обидно; причём обида та была двойная, ведь ранее царь зверей из такой выгодной позиции никогда не промахивался. Но он бы всё равно догнал серьёзно захромавшего от удара когтистой лапой по крупу марала даже на земле потапычей, если бы на том берегу, как назло, не вышел из чащи к ручейку Бархаз, так не вовремя изъявивший желание напиться живительной водицы. Пещерный медведь, знамо дело, мимо летящего прямо ему в пасть доброго куска мяса пройти ну никак не мог, тут же на месте прикончив рогача. И вот теперь между двумя грозными хищниками возник нешуточный спор: каждый из них считал оленя своей законной добычей, и каждый из них был по-своему прав.

Оттого перед начавшимся выяснением отношений что медведь, что лев громогласно рыкнули на всю округу; первым кликнул на помощь свой прайд саблезубый кошак. Бархаз же очень не хотел уступать столь редкую для него, лакомую добычу в виде благородного рогача, посему также не преминул следом призвать к месту событий своих лохматых сородичей. Но помимо банального нежелания расставаться с сытным обедом, могучий топтыгин руководствовался и

другими соображениями: ведь если сейчас уступить, то нахальные кошки ещё, чего доброго, вообще на охотничьи территории косолапых попробуют замахнуться! А этого допустить нельзя было ни в коем случае, потому и решил Бархаз слабинку не давать и стоять на своём до конца. Очень бы хотелось ему верить, что до победного. Для него победного, естественно.

События между тем разворачивались стремительно; вот позади Усвара показался его прайд: два взрослых самца чуть поменьше размерами, чем вожак стаи, а также с дюжину львиц. Серьёзная сила по любым меркам, у которой что в лесном буреломе, что на бескрайних луговых равнинах мало кто отваживался вставать на пути.

Но Бархаз тоже не остался без поддержки, за его спиной из чащи вразвалочку вышли четыре крупных пещерных медведя. Хотя обычно они не очень ладили между собой, но сейчас был особый случай: косолапые увальни отлично понимали, что лишь сообща смогут сдерживать прайд львов, ибо поодиночке те вырежут их, аки зайцев.

В воздухе тягучей пеленой повисло прекрасно осязаемое всеми фибрами души напряжение: две противоборствующие стороны, грозно рыча, буравили друг дружку ненавидящими взорами; что пещерный медведь, что саблезубый лев были старыми соперниками, испокон веков конкурирующими за добычу. Стоит ли говорить, что друг друга они, мягко говоря, недолюбливали. Впрочем, как и, без сомнения, уважали. Ибо не было у них противника опаснее. Не считая, пожалуй, здоровенной своры волков. Ну и, конечно, человека.

И вот две хищные стаи уж собрались было схлестнуться в смертельном противостоянии, как с ближайшей берёзы послышалось ехидное уханье, весьма нехарактерное для середины дня, ведь совы, как правило, активны только ночью. И медведи, и львы практически синхронно задрали вздыбившиеся загривки и удивлённо уставились на крупную неясить, насмешливо вззирающую на них с верхотуры.

– Ой, я что, вам помешала, мои хорошие? – едко раздалось с дерева. – Виновата, не отвлекайтесь... и не обращайтесь на меня внимания! Я ведь всё понимаю: дел же у вас больше никаких нет, кроме как промеж собой из-за ерунды грызню устраивать! Тем более сейчас, когда страшная гроза из-за Солёной Воды пожаловала в наши, и так не самые спокойные края!

Наступила минутная тишина. И косолапые, и песочно-серые кошки усиленно ворочали мозговыми извилинами, пытаясь сообразить, о чём идёт речь.

Наконец Усвар, никогда не любивший как загадок, так и вообще подолгу размышлять над чем-либо, не выдержал и первым недоумённо проурчал:

– О чём ты там лопочешь, Майла?

– Да о том, мой любимый котейка, что сегодня с другого конца света на наше морское побережье приплыли вооружённые до зубов двуногие чужаки! Их очень много, и они явно здесь не проездом! Наверняка собрались тут поселиться! Что это значит для всех нас и чем грозит, полагаю, разжёвывать никому не нужно?! Меж двух огней мы долго не выстоим!

– Очень много, это сколько? – тут же не преминул хмуро поинтересоваться саблезубый лев.

– Точно не скажу, ибо сбилась со счёта, – с готовностью прошептала Майла, определённо предвидевшая такой важный вопрос. – Если же приблизительно, то чуть меньше тысячи рях.

– С запада чужаки, с востока русы, – угрюмо проворчал Бархаз. – Действительно, словно между двух пожарищ... Этого нам только не хватало!

– Ента точно, – согласно фыркнул Усвар, после чего спросил у серой неясити: – Ты поэтому так взбудоражилась нынче? Обычно ведь днём ты спишь крепким сном неоперившегося птенца.

– Именно поэтому! – утвердительно ухнула сова. – К русичам лечу, а точнее, к Радимиру в Медвежий Угол, да вот заметила вас и не могла не поздороваться...

– Зачем тебе к ним? – шерсть на косматом загривке Усвара снова встала дыбом.

– Затем, что пришлые гости прямо на моих глазах убили жившего недалеко от Солёной Воды старого отшельника и его внука, – охотно объяснила Майла. – А те были из русичей! Правда, ежели память не подводит, из Нижнего Брода, а не Медвежьего Угла. Но, как известно даже глупым белкам, вот уж почти три сотни лет главный над всеми русами – почтенный старец Радимир, за ним последнее слово. И с такими пакостными вестями только к нему и нужно стучаться! Потому я и решила...

– Ты неправильно решила, старая!.. – недовольно перебил её саблезубый лев.

– Да неужели? – удивлённо прогудела серая сова.

– Именно, – сумрачно прорычал Усвар. – Если не запомнила, мы сами исключили Радимира из Лесного Совета, после чего заявили русичам, что они нам более не друзья, не союзники и уж тем паче не братья! И после такого ты собираешься унижаться и просить их о подмоге?!

– Ежели что, я до сих пор считаю то решение большой ошибкой. Потому и голосовала тогдась против, – невозмутимо промолвила Майла.

– Зато я, Бархаз и Хрум – голосовали за! – гневно выдохнул Усвар. – Три голоса против одного, всё по Закону! А значит, русичи более не принадлежат к Лесному Братству! И ты не можешь просить их о помощи без разрешения Совета, этот вопрос сначала необходимо вынести на голосование! Если же ты по собственной инициативе, без нашего одобрения призовёшь русов, то подставишь как их, так и себя в первую очередь! По крайней мере, места в Совете ты точно лишишься! А вполне возможно, и сама станешь вне Закона как ослушница! Ибо уверен, твоё самоуправство мы единогласно осудим, а опосля примем соответствующее суждение насчёт тебя! Тяжёлое и крайне жёсткое, если что! Но, без сомнения, справедливое. Ты этого хочешь, пернатая?

– Усвар, твоя, скажем так, стойкая неприязнь к русичам мне ясна, но ты не можешь не понимать, что сейчас мы очень уязвимы: пришлые люди давно забыли лесной язык и одичали, они нас не понимают. Потому и договориться с ними не выйдет...

– Никто не собирается с ними договариваться! – резко прервав Майлу, зло рыкнул саблезубый лев. – Мы их всех убьём, после чего будем питаться останками чужаков не одну седмицу! Нам их нежного мяса надолго хватит! Брюхи набьём до отвала не раз!

– И то верно, – согласно поддакнул до сих пор безмолвный Кусмак, один из двух золотисто-дымчатых самцов, маячивших за своим вожаком. Львицы же вступать в разговор Усвара и Майлы и вовсе не смели, лишь тихим одобрительным рычанием также поддерживали своего главаря Саблезуба.

– Думаешь, справимся с пришлыми двуногими без русов? – оранжевые глазищи многое повидавшей на своём веку неясности скептически блеснули.

– Совместными силами? Да легко! – самоуверенно гыкнул Усвар. – Вон один Бархаз десятка три людей порвёт с закрытыми очами! А то и полсотни! А уж сообща со своим косматым племенем... Ха! Да нам остаётся только надеяться, что львам, волкам и парящим в небесах сизокрылым воякам тоже что-нибудь перепадёт! Не так ли? – саблезубый котяра вопросительно уставился на пещерного медведя.

– Это да, – Бархаз был явно польщён тем, как высоко вожак противоборствующей стороны оценил его могучесть и свирепость. – Только прежде чем объединяться нам против заявившихся на нашу землю голозадых чужестранцев, не помешало бы решить первостепенный вопрос, а именно: чья же всё-таки енто добыча?! – потапыч ткнул мокрым носом в распростёртую перед ним тушу марала.

– Предлагаю Майле рассудить нас, – тут же примиряюще промурлыкал Усвар, здраво решивший, что пред лицом новой, куда более страшной угрозы негоже ссориться с медвежьим народом. – Надеюсь, в её мудрости и непредвзятости у тебя, косолапый, сомнений нет?

– Никаких, – опытный Бархаз, также не горевший желанием ввязываться в кровавую драку с львиным прайдом, выжидающе воззрился на старую неясуть. – Я приму любое её решение!

– Как и я, – согласно проорчал саблезубый лев и снова задрал густую, но довольно короткую гриву к облакам. – Итак, уважаемая, будь добра, рассуди нас: суть спора в том...

– В чём суть спора, я прекрасно знаю, ибо достаточно посидела тут да послушала, прежде чем подать голос, – нетерпеливо перебила Усвара сова. – Так вот что я вам скажу, твердолобики: каждый из вас по-своему прав! Посему моё решение таково: добыча принадлежит... вам обоим! А значит, вам надлежит сообща полакомиться убитым рогачом, и нет больше никаких проблем! – серая неясуть забавно взъерошила пёрышки и озабоченно покрутила головой туда-сюда, а затем не терпящим возражений тоном прострекотала: – Ну а завтра вечером прошу всех на Лесной Совет, его созываю я! Будем обмозговывать насущные вопросы, не терпящие даже малейших отлагательств.

С этими словами Майла, очень недовольная тем, что её визит к русичам сегодня не состоится, неслышно взмахнула крыльями и с явной неохотой улетела с поляны в обратном направлении, то есть в сторону побережья Ледяного моря.

– Да... – глядя ей вослед, восхищённо протянул Бархаз. – Всё-таки наша пернатая старушка мудра...

– И не говори, – согласился с ним Усвар. – Котелок у неё, как ни крути, варит... Поделиться добычу, чтобы обоим досталось и никому не было обидно... Простое, но какое верное решение! И как мы сами до этого не додумались!

– Потому что мы не совы. И никогда ими не будем, уж не ведаю, хорошо ента или плохо, – лишь пробурчал в ответ пещерный медведь.

– Конечно, первое! – Усвар негромко фыркнул, так, чтобы его слова ненароком не донеслись до умчавшейся прочь Майлы. – По мне, так всё птичье племя от курей произошло, и совы не исключение! А теперь посуди, топтыга: что хорошего в том, чтобы быть пусть и умной, но курицей?

– Ента точно!.. Правильно подмечено! – согласно гыркнул Бархаз и понимающе переглянулся с ехидно осклабившимся Саблезубом.

Тем временем прибывшая с обеих сторон подмога, осознав, что дело разрешилось мирно, без драки, тихо рассосалась в лесной чащобе. Усвар же грандиозным прыжком перемахнул через ручей, после чего на пару с Бархазом они принялись споро уминать нежнейшую оленину. Немыслимое доселе зрелище, от которого у любого лесного обитателя глаза на лоб полезли бы, ибо совместно трапезничающих саблезубого льва и пещерного медведя свет ещё не видывал.

Глава 4. Лесной Совет

На следующий день

До полуночи оставалось всего несколько часов, когда на стыке непролазной чащи и бескрайних луговых просторов, под сенью огромного тысячелетнего дуба, росшего на самой окраине леса, собрался очередной Совет зверей, именуемый также Лесным Советом. Мест в нём, испокон веков, было пять, и на протяжении многих лет право голоса в том Совете имели львы, медведи, волки, птичий народ да племя людей. Но вот уже более полугода сидуха последних пустовала; причиной же случившейся неприятности стал нешуточный конфликт между саблезубыми кошками и русичами. Львы сумели склонить на свою сторону топтыгиных и серых разбойников, в результате чего большинством голосов человек был лишён места в Лесном Совете. А затем, опять же большинством голосов, и вообще исключён из числа жителей леса.

Русичи недоумённо, с печальным удивлением восприняли подобную слаженную враждебность против них, но решению Совета повиновались беспрекословно, молча покинув как само заседание, так и дремучую чашу. Место же их так до сих пор и осталось незанятым. Вожди звериных народностей, чуть остыв, пусть с явной неохотой, но признавали: более достойных претендентов, чем русы, на седалище под кроной старого дуба попросту нет. Потому и пустовал нынче древний дубовый корешок, на котором обычно восседал представитель людей; замену человеческому роду, единственному оставшемуся на Земле из ныне существующих, до сих пор не утратившему способность общения на языке зверей да птиц, лесные обитатели и не искали.

Таким образом, Лесной Совет опять собрался в урезанном формате: вместо пяти, всего четверо вожakov прибыли на сонм. Что характерно, все они, как и человек, были по сути природы своей хищниками. Ну а травоядные животные, то есть добыча, считались слабыми и недалёкими, потому права голоса на Совете не имели. «Какие вообще могут быть права у еды? Помимо, естественно, права насытить наши утробы?!» – так рассуждали сильные мира сего. Ибо во все времена на Земле властвовал тот, за кем мощь и ум; хилый же, а уж тем паче глупый повелитель никогда не засиживался на троне, вдобавок, по обыкновению, плохо кончая свой жизненный путь. Ибо руководство целыми народностями отнюдь не для слабаков и дураков; чем больше орда, которую необходимо держать в ежовых рукавицах, тем, как правило, сильнее и мудрее у неё вождь. По крайней мере, так повелось с начала бытия: естественный отбор как есть, во всей своей красе.

В настоящий же момент, в разгар осени, под густой золотистой шевелюрой тысячелетнего дуба прямо на земле разлёгся могучий красавец Усвар, вот уж как шесть лет бессменный вожак саблезубых кошек. Недалеко от него перекатывался жирным мясистым задом на корнях древнего дерева огромный Бархаз, лидер пещерных медведей. Напротив молчаливо сидел здоревенный чёрный волк Хрум, который хоть и уступал по габаритам и силе что льву, что потапычу, но уважением среди лесной братии пользовался уж точно не меньшим, ибо большущая стая свирепых волчар, кою он возглавлял, насчитывала не одну сотню поджарых четвероногих бойцов, и даже прайд львов предпочитал не вставать у них на пути, когда сумеречные разбойники собирались все вместе.

Четвёртым же представителем была сама виновница внепланового совещания, то бишь серая сова Майла. В отличие от коллег по Совету она не являлась сильнейшей среди Союза Птичьих Племян: те же орлы, беркуты или коршуны были куда как более грозными хищниками. Но пернатый народ выбрал именно Майлу своей царицей, в первую очередь, конечно, за её честность, порядочность, справедливость и мудрость. И по этим редким качествам старая сова превосходила, пожалуй, всех своих нынешних соратников по Лесному Совету, вместе взятых.

– Ну излагай уже, Майла, не томи! – с нескрываемым интересом взвыл сгорающий от нетерпения Хрум, прибывший на место схода первым. Глава волков явно весь извёлся в ожидании. – Что там с пришлыми двухлапыми? В общих чертах я ведаю, что стряслось, но хотелось бы новых вестей!

– А что там? Там то, что и предвиделось, – серая сова, восседавшая на самой нижней ветке могучего дуба, протяжно ухнула. – Пришельцы перебрались всей гурьбой к дому старого отшельника и принялись валить в округе лес! Очевидно, собрались лужайку Любодара расширить да своё гнездовье там основать! Ещё один тревожный момент: знатная часть чужаков отправилась на охоту, спустя какое-то время воротившись с доброй добычей; и если так пойдёт и дальше, то через месячишко-другой на день полёта по всем направлениям не то что вепря, куропатку аль лань, даже белок и мышей будет не сыскать! Ненасытных ртов прибыло очень много, и все они, знаете ли, отнюдь не желудями, еловыми шишками да пожухлой листвой питаются; им мяса подавай!

– Нашего мяса! – недовольно проворчал Бархаз. – Как бы так не вышло, что нам самим не пришлось на шишаки да жёлуди переходить!

– Не придётся, – уверенно прорычал Усвар. – Ибо мы такого нахальства однозначно не потерпим!

– Что ты предлагаешь? – Хрум в предвкушении кровавой драки порывисто вильнул хвостом туда-сюда. Вечно голодные волки всегда были ещё теми задирами. – Нападём на них?

– Непременно! – согласно рыкнул черногривый лев. – Енто наша земля! И наши охотничьи угоды! И мы не позволим каким-то пришлым двуногим голозадикам просто так заявиться и отобрать то, что принадлежит нам по праву!..

– Ента по какому же? Никак, по праву сильного? – ехидно прогудела Майла.

– Именно! – раздражённо рявкнул Усвар. – Даже без русичей мы всё ещё сильнее на этом клочке суши! Если, конечно, будем действовать сообща!

– Сильнейшие ли? Ох, мне бы твою уверенность, – с сомнением протянула серая неясать.

– Что за упаднические мыслишки? Старая, не хорони нас раньше времени!.. – клыкастый кошак насмешливо фыркнул. – Мы их всех слопаем и не подавимся!

– А с ними догутариться по-хорошему никак не выйдет? – Бархаз высунул шершавый язык, тяжело задышал и устался на мудрую сову. – Точно чужаки по-нашему совсем не лопаются?

– Точнее не бывает, – печально ухнула Майла. – Несколько раз я пыталась с ними заговорить – безрезультатно, не понимают ни слова. Бросила попытки после того, как чуть стрелу под хвост не словила. Да и о чём они меж собой беседуют, для нас чистая тарабарщина. Понятно лишь то, что ничего не понятно.

– Ну и славно! – не без облегчения выдохнул саблезубый лев, явно ни о чём с новоприбывшими людьми договариваться не собирающийся. – Нам с ними и лялкать-то, в принципе, не о чём! Всё и так ясно: они без спросу завалились на нашу землю и за енто мы их всех загрызём!

– А затем сожрём! – кровожадно поддакнул Хрум, в предвкушении облизнувшись. – Сколько их там прибыло-то, Майла?

– Я уже балакала. Правда, не тебе... В общем, пришлых бесхвостых сотен девять, а может, и целая тыща, не меньше.

– Ого! – волк довольно оскалится. – Енто же высоченная гора свежайшего мяса! Чую, знатно брюхи набьём!

– И не говори, – согласно мотнул бурой башкой пещерный медведь. – Сам об этом думаю. Добро подкрепимся человечинкой, ну а опосля можно и в берлогу, на боковую до весны...

– Хорошо! Рад, что вы со мной едины во мнении! Тогда подытожу: оставлять без ответа подобную наглость нельзя! – Усвар лениво поднялся, грациозно потянулся, выгнув спину

дугой, после чего произнёс: – Помимо своего, я смогу привести ещё четыре прайда; и в общей сложности это около десятка львов и сорока львиц, – черногривый кошка вопросительно воззрился на своих коллег по Совету.

– Ну, порядка двадцати пяти – двадцати восьми медведей я соберу, – задумчиво прокряхтел Бархаз. – Всех, кто остался из нашего племени.

– Сотни три с половиной волчар, а может, даже и все четыре – с меня, – с готовностью ответил Хрум на немое вопрошание саблезубого котяры.

Лев, медведь и волк выжидательно уставились на Майлу.

Серая сова чуть помешкалась, а затем с явной неохотой проскрипела:

– Беркуты, сапсаны, ястребы, коршуны, соколы и орланы... Ну, филины, само собой... Сотни полторы-две наскребу...

– Что тебя смущает, уважаемая? – поинтересовался Хрум.

– Чтобы одолеть чужаков, нам потребуются *все* силы, – как будто ожидая подобного вопроса, быстро ухнула неясить, сделав акцент на слове «все».

– Поговори с Ярмом, – словно не уловив намёка, исподлобья гыркнул Усвар. – Его мощь нам пригодится. Так уж и быть, в качестве исключения возьмём эту волосатую тушу с нами...

– Сегодня утречком уже успели с ним потрещать, – тут же проворковала ушлая сова. – Он отказался, ибо подышать зазря не хочет; Ярм же, как знаете, последний в своём роду.

– Почему зазря? – не понял Бархаз.

– Тут такое дело: Ярм глубоко убеждён, что без Радимира и его воинов нам не одолеть захожих бесхвостых, потому в бой пойдёт, только если мы оставим в прошлом все обиды и немедленно примиримся с русичами. Также не забывайте: чужаки убили отшельника и его внука; тут надо понимать, что седой Радимир ведь всё равно, рано или поздно, прочухает об этом неслыханном злодеянии и сильно расстроится, если узнает о нём не от нас... А огорчать старейшину русов не след: гнев вредного мудреца страшен. Посему надо ему непременно сообщить о случившемся, – Майла почесала клювом под левым крылом. – Сказал ещё Ярм, что людей – без других людей не победить. И надо заметить, я с ним по всем пунктам полностью согласна! Он хоть и травоядный, а соображает получше многих хищников! Во все времена мы лишь сообща с русами осаживали желающих откусить лакомый кусок от наших угодий...

– Да закрой ты уже щебеталё, Майла! – взбешённо прорычал Усвар. – Никому ничего мы сообщать не подумаем! По решению Совета русичи больше не считаются лесным народом! И звать мы их на помощь не будем, сами легко справимся! Ты слышала, какая силища за нами?! Пятьдесят моих сородичей, почти тридцать медведей и четыре сотни волков разорвут на куски хоть тьму двуногих! А уж совместно с твоим пернатым воинством и подавно!..

– Не забывайся, Саблезуб! – холодно прошелестела угрюмо нахохлившаяся неясить. – Затыкать меня на Совете зверей ты не имеешь никакого права, ибо мой голос весит ровно столько же, сколько и твой!

– Что ж, птишка моя, – вкрадчиво проурчал Усвар, – давай тогда проголосуем! Кто за то, чтобы унижаться и кликать на подмогу русичей, которых мы же сами и выпроводили как из Совета, так и вообще из нашего братства? – клыкастый кот вопросительно зыркнул на Бархаза с Хрумом. – Как и, собственно, что-либо им сообщать? Выношу на голосование!

– Признавать свои ошибки, это не унижение, это проявление истинных мудрости, силы и мужества, – Майла, насупясь, неласково осмотрела коллег по Совету и подняла вверх левое крыло: – Я определённо за то, чтобы известить, а также попросить русов о помощи! Уверена, они не откажут!

– Ну а я – определённо против! – смурно проворчал Бархаз. – Мы полгода прекрасно без них справлялись, сладим и теперь! И енто настоящая срамота, при первых же трудностях, поджав хвост, бежать к человеку за подмогой!

– Не могу не согласиться с потапычем, – Хрум слегка виновато взглянул на сердито нахохлившуюся, очень раздосадованную происходящим Майлу. – А ещё, если мы сейчас призовём русов на помощь, то снова попадём от них в зависимость. Согласись, уважаемая, мы хоть вроде как и на равных, но за русичами всегда было последнее слово... Да и не стоит забывать, как они поступили с Усваром! Убийство его подруги ещё свежо и не стёрлось из памяти! В общем, я тоже против!..

– Полагаю, свой голос я могу даже не озвучивать, – Саблезуб насмешливо покосился на поникшую серую сову, бывшую мрачнее тучи. – Хотя ладно, скажу, так уж и быть: естественно, я всеми четырьмя лапами против! Итого подытожим: по голосам опять три к одному! Решение принято!

Усвар довольно фыркнул и, не сводя немигающего взгляда с хмурой, заметно приунывшей Майлы, с ехидцей промурлыкал:

– Что-то ты, пернатушка, стала отбиваться от своих собратьев по Лесному Братству. Всё невпопад голосуешь! Гляди, чтобы тебе твои же птички все пёрышки не выщипали!

– Хорошо смеётся тот, Усвар, кто смеётся последним, – еле слышно проухала в ответ расстроенная неясать, сильно опечаленная итогами Совета. – Хотя, боюсь, в данном случае мой смех будет очень горьким!..

Глава 5. Горький смех

Спустя пять дней. На месте бывшего жилища Любодара

Стоял полдень. Небо привычно заволокло свинцовыми тучами до самого горизонта, но дождь, с утра вроде бы принявшийся вяло накрапывать, к обеду давно затих. Начало октября мало чем отличалось от конца сентября; разве что подавляющее большинство лиственных деревьев интенсивно взялись сбрасывать на землю свои золотистые великолепные кроны да днём и ночью стало заметно прохладнее. Похоже, второй осенний месяц явно нацелился на значительное понижение температуры; в воздухе начало отчётливо чувствоваться довольно скорое наступление зимы. Надо отметить, достаточно суровой в здешних, отнюдь не гостеприимных краях к любому, кто страшится морозов.

Но северян, конечно, лютой зимой было не запугать; всю жизнь они жили в схожем климате и потому холодов не боялись. Что, впрочем, не мешало им изрядно торопиться; встретить зиму без крыши над головой – удовольствие, прямо скажем, не из приятных. Даже для прожжённых викингов. Посему они нынче в ускоренном темпе, с раннего утра до поздней ночи валили в округе лес да возводили массивные бревенчатые дома; такие же, какие строили у себя на родине: одноэтажные, продолговатые и очень вместительные, чем-то по форме отдалённо напоминающие собой драккары.

Подавляющее большинство норманнов были задействованы в возведении Логигарда, потому дело спорилось. Деревьев сыны Одина нарубили сотни на три шагов по всем направлениям, благодаря чему обзорность вокруг явно улучшилась; предполагаемому неприятелю, если бы он вдруг изъявил желание внезапно напасть на стремительно строящееся поселение варягов, подкрасться незамеченным было бы крайне сложно. Ведь за пеньками да поваленными древесными стволами, пусть и бесчисленными, много народу не спрячешь. По крайней мере, так считали сами нореги, даже не подозревая, что за пнями и срубленными деревьями могут скрываться отнюдь не люди.

Тем часом Майла, периодически нарезающая неторопливые круги над строящимся Огненным городом, с высоты птичьего полёта, то есть с безопасного расстояния, дабы её не достала шальная стрела особо удачливого северянина, внимательно обозревала происходящее внизу. Логигард был у неё словно на ладони. Как и его окрестности. Потому серая сова прекрасно видела то, чего пока ещё не замечали занятые работой викинги, а именно безмолвно сжимающееся вокруг них смертоносное кольцо из львов, медведей и волков, незаметно и осторожно подкрадывающихся к возводимому граду.

Зрелище было сколь удивительное, столь и пугающее; разномастная грозная лесная ватага, состоящая в общей сложности из более чем четырёхсот пятидесяти свирепых хищников, уверенно стягивала убийственную петлю на шее у норманнов. Во всяком случае, так представлялось со стороны глупым, страсть как любопытным сорокам, не особо, мягко говоря, искушённым в баталиях с главным хищником Земли – человеком.

Нападение планировалось совершить неожиданно; эффект внезапности, являющийся одним из ключевых догматов успешной охоты, был положен Советом зверей и в основу готовящейся атаки. Но сей, в общем-то, неплохой план быстро пошёл прахом по одной простой причине, которую нападающие не учли; кто-то из викингов, как оказалось, взял на борт одного из драккаров своего волкодава – крупного лохматого пса, дома помогавшего хозяину беречь небольшую отару овец от назойливых посягательств серых разбойников. Собака нынче возле бывшей избушки Любодара мирно себе посапывала послеобеденным сном. Разумеется, весьма чутким. Но вот до её чувствительных ноздрей поднявшийся лёгкий ветерок донёс такой до боли знакомый запах. Поджарый пёс мгновенно вскочил и глухо зарычал, шерсть у него на

загравке моментом встала дыбом. После чего не на шутку взъярившийся волкодав принялся неистово носиться по округе и надрывно лаять в сторону юго-востока, откуда ветер и принёс столь ненавистный запах.

– Что такое, Ларс? – Сигурд, вкалывающий наравне со всеми, вонзил топор в лежащее перед ним бревно, вытер пот со лба и с подозрением уставился на юго-восточную окраину леса. – Кого ты там учуял?

В эту минуту к конунгу подошёл хозяин собаки, викинг по имени Готтфрид, и, так же задумчиво глядя на юго-восток, произнёс:

– Ларс так на волков реагирует. А ещё на медведей. Правда, столь нервным я его наблюдал до сего момента лишь раз, когда однажды, недалеко от дома, наших барашков окружили не менее дюжины матёрых волчар!..

– Во имя Фрей, что там шевелится?! Вон, за тем массивным пнём! – присмотревшись, испуганно-удивлённо вскричал один из северян. – Будь я проклят, если это не косолапыч! Причём непомерно здоровый, я таких у нас отродясь не встречал! Пойдите, пойдите, а рядом с ним, чуть левее, ещё такой же! Вон, совсем недалече! Похоже, в нашу сторону крадутся!

Работа остановилась, норманны принялись спешно хвататься за оружие, попутно тревожно озираясь; взволнованные крики, перебивая друг друга, словно снежная горная лавина, понеслись над местом строительства:

– Смотрите, смотрите, с запада тоже медведи прут! Причём вперемешку с волками и какими-то невероятно громадными зубастыми кошками!

– Ага, и с севера та же картина!

– И с юга!..

– А на околице, на деревьях, обратите внимание, сколько птиц налетело! И они всё прибывают втихушку! А главное, прошу заметить: это отнюдь не голуби, стрижи аль зяблики! Там одни хищники!

– И не говори! Только орлов, навскидку, как минимум десятка три! Как и коршунов с ястребами! Кажись, вижу ещё соколов и вроде кречетов... Аль сапсанов!.. Но самое удивительное, вон те лохматые пухляши, енто же филины! Которые днём обычно не охотятся!.. А уж тем паче стаями! Впрочем, как и остальные хищные птицы!..

– Что происходит?! Нас окружили... звери?!

– Похоже на то! Но как такое вообще возможно?!

Тут, прерывая всеобщий взволнованно-ошарашенный галдёж, над поляной пронёсся повелительный рык конунга Янтарного:

– На нас вот-вот нападут! Все к бою! Немедля! Занять круговую оборону вокруг едальни! Лучники в центр! Сомкнуть вокруг них стену щитов!

Сигурд, как и подобает сильному лидеру, первым сообразил, какая нешуточная опасность им грозит. Потому безотлагательно принял единственно верное в данной ситуации решение: немедленно построиться боевым порядком и встречать неизвестного диковинного врага сугубо от обороны.

Викинги, в обычное время страсть как любившие свободу и по этой прозаической причине слывшие упрямыми и непокорными, на службе у конунга, надо отдать им должное, а уж тем более в боевых условиях, буквально преображались, ибо прекрасно понимали, что от их слаженности, взаимодействия и скорости выполнения приказов зависит очень многое. И в первую очередь их же собственные драгоценные жизни. Потому первоначальная, довольно бестолковая суeta быстро сменилась деловитым, но чётким и шустрым исполнением указов своего предводителя; нореги буквально за минуту успели вооружиться, собраться и занять оборонительную позицию по центру поляны, где сейчас располагалась пара десятков грубо сколоченных столов и лавок, представлявших собой временную трапезную.

В центре, как и было велено, встали две сотни лучников с полными колчанами стрел; вокруг них же практически ровным овалом замерла глухая стена из круглых разноцветных щитов; лишь наконечники копий да лезвия мечей, готовые в любой момент встретить смертельным ударом отчаянного неприятеля, то тут, то там предупреждающе поблёскивали в виднеющихся между щитами прорехах. Подобный боевой порядок мало годился для атаки, зато для обороны он подходил очень хорошо. А после того как мешающиеся под ногами столы с лавками плотно сдвинули друг к другу в центре оборонного построения и на них взобрались лучники, тем самым в разы улучшив себе как обзор, так, соответственно, и возможность для ведения прицельного огня, данный ратный строй не грех было назвать чуть ли не идеальным. Разумеется, исходя из имеющихся у варягов в наличии сил.

Тем часом подкрадывавшиеся к незванным гостям звери, слегка остолбенев от того, что их заметили, молча выжидали, в нетерпении косясь на замершего за поваленным деревом Усвара, который в текущих реалиях негласно считался вожаком у собранной им разношёрстной хищной оравы. Саблезубый кошка же в сию минуту осторожно выглядывал из-за срубленного елового ствола и попутно клял на чём свет стоит всех собак, вместе взятых, пообещав про себя лично перегрызть глотку заморской вшивой псине, учуявшей их и поднявшей тревогу. При этом царь зверей, в отличие от лидера норманнов, преступно медлил, не зная, как лучше поступить: дать отбой или всё же броситься в отчаянную атаку, коя сейчас представлялась уже в высшей степени сумасбродной. Особенно учитывая тот неоспоримый факт, что эффект внезапности оказался безвозвратно утерян: воинственные пришельцы встали в глухую оборону, ошетинились копьями, стрелами да мечами и теперь спокойно ждут нападения.

Интуиция настойчиво подсказывала Усвару, что благоприятный момент для неожиданного наскока упущен, потому лучше отступить. Но одновременно неуёмная гордость во всю свою разудалую мощь гулким набатом била в голову, какой это будет непоправимый удар по его репутации, ведь отхода многие не поймут; особенно после его же бахвальных речей, что, мол, пришлые чужеземцы им на один зубок. И глупая гордыня таки пересилила здравый голос разума: Усвар, страсть как боявшийся прослыть трусом и утратить свой непререкаемый авторитет среди Лесного Братства, громогласно рыкнул, тем самым отдав приказ к атаке. Сколь яростной, столь и безумной.

Четыре с половиной сотни свирепых хищников, уже порядком измаявшихся в томительном ожидании, с диким рёвом сорвались с места и помчались на викингов. За ними последовали и сидевшие на ближайших деревьях пернатые воители в количестве примерно полторы сотни клювов, с разномастным грозным клекотанием устремившиеся вниз, на северян. Это было удивительное, завораживающее зрелище; словно сама природа ополчилась на наглых чужаков, решив наглядно им продемонстрировать, как она не любит незваных гостей, почём зря вырубаяющих её девственные леса.

– Натянули тетиву к облакам! – тем временем зычно рявкнул Сигурд лучникам. – По птицам цельсь! Ждать!.. Ждать!.. Бей!

И тут же пара сотен стрел густой смертоносной тучкой слаженно ударила по птичьей ораве, быстро пикирующей на людей с небес. Момент для залпа опытный Янтарный выбрал идеально; хладнокровный конунг подпустил пернатое воинство на такое расстояние выстрела, с которого промазать было очень сложно хоть и по движущимся, но зато стремительно приближающимся целям.

Первый же залп нанёс страшный урон атакующим, выкосив примерно половину хищных клювов ещё на подлёте. На счастье уцелевших пернатых воителей, многие лучники в спешке, несогласованно выбрали своими мишенями одних и тех же птиц. Не случись сего, весьма досадного для обороняющихся недоразумения, варяги уничтожили бы крылатую ораву в первые же секунды боя. Но даже с учётом разлады в выборе целей, соколы, орлы, ястребы, коршуны и филины, пронзённые стрелами, неловко кружась, принялись исправно падать с неба,

чем-то (весьма отдалённо, конечно) напоминая осыпающуюся по осени листву. Порой в шлёпнувшейся бездвижной окровавленной тушке торчало далеко не по одному древку. Кого-то сразили наповал, а кому-то пробили лишь крыло, и теперь несчастная птица инстинктивно пыталась неуклюже отковылять в лес, хотя прекрасно понимала, что это только продлит её тяжкие страдания, кои всё равно, рано или поздно, закончатся смертью, ведь с перебитым крылом любой пернатый обитатель в дикой природе обречён на гибель.

Основная же часть выживших крылатых хищников, которым повезло избежать стрел, тут же развернулась в воздухе и стремглав помчала прочь, куда глаза глядят; грозные птички явно навоевались. Лишь три десятка особо упрямых пернатых бойцов долетели до цели; пара могучих орлов сумела сцапать за плечи двух северян, поднять их в воздух да затем сбросить на землю; остальные же, добравшиеся до норегов отчаянно храбрые птицы вцепились врагам в головы острыми когтями и принялись долбить по ним крючковатыми клювами, вполне успешно пробив несколько лохматых макушек да в лоскуты разодрав четырёх викингам лица. Впрочем, сей незначительный успех оказался добыт очень дорогой ценой; вверх ударили мечи с копьями, а следом и ещё один залп стрел, окончательно выкосивший тридцатку домчавшихся до людей пернатых берсерков.

Между тем до обороняющихся норманнов наконец-то добежали основные силы нападавших; яростная волна хищного зверья с гулким рёвом мощно вонзилась в стену щитов, выстроенную, прямо скажем, на совесть. Ведь от крепости и монолитности оборонных порядков северян зависел исход данной, сколь необычной, столь же и жестокой сечи. Потому нет ничего удивительного в том, что налетевшая неистовым ураганом звериная ватага с первой же попытки пробить стену щитов толком так и не смогла; впрочем, последовавшие затем вторая, третья и четвёртая атакующие волны также закончились неудачей; медведи, волки и львы в исступлении бросались на возникшую преграду, но та была словно из гранита. Варяги встали намертво, ведь они защищали сейчас самое ценное, что у них имелось; речь идёт, конечно, о собственных жизнях.

В то же время над полем брани раздалась и первые болезненные звериные визги: по нападавшим животным, через специально оставленные для этого отверстия между сомкнутыми щитами, ударили копья и мечи обороняющихся, легко находя себе цель.

На поле боя стоял просто-таки невероятный гвалт, ранее никогда не слышимый никем из участников битвы: людские крики да гневная ругань смешались с разномастным яростным рёвом и жалобным повизгиванием диких зверей.

– Натянуть тетиву! – тем часом снова скомандовал Сигурд. – По лесным тварям – бей!

И вот, по хищникам прилетел убийственный град стрел; находясь на столах, с верхотуры, лучники, будто на тренировке, практически в упор принялись методично расстреливать нападавших животных. С расстояния в десять-пятнадцать шагов промахнуться было невозможно, попал бы даже ребёнок. И смертельно разящие стрелы, словно не знающие пощады молнии Тора, летели точно в цель, нанося чудовищный урон атакующим.

Звери, до конца ещё не осознавая, насколько опрометчиво и губительно идти в лобовую атаку на вставших в глухую оборону северян, раз за разом всё бросались и бросались на выстроившуюся пред ними неприступную стену щитов. Но все их усилия оказались напрасны: монолитную оборону викингов было не пробить. Лишь парочке медведей повезло, им удалось на миг проломить в двух местах оборонительные редуты норегов. Но по косолапым тут же со всех сторон ударили мечи, топоры и копья, буквально за секунду-другую превратив топтыгиных в окровавленные куски мяса, после чего стена щитов снова сомкнулась, так и не позволив более никому из нападающих хищников развить сиюминутный успех и проскочить следом в образовавшиеся бреши.

Тем временем залп следовал за залпом; смертоносные стрелы, спущенные с тетивы умелыми руками, разили без устали. Как и копья. На одно из них буквально налетел Хрум. Вожак

волков кинулся на стену щитов, но навстречу ему ударило роковое булатное жало, которое держал ярл Бодвар. Длинный стальной наконечник копья пробил матёрому волчаре грудь и вышел у него со стороны хребта. Яростное же, предсмертное рычание захлёбывающегося кровью Хрума, чудом ещё не отошедшего душой в царствие вечной охоты, прервал вострый меч, лезвие коего вонзилось прямо в зубастую пасть предводителю лесных разбойников, тем самым прервав его жизненный путь.

Таким же образом, по столь незамысловатой, но очень действенной тактике сражения гибли и львы с медведями; их умело нанизывали на пики и добивали топорами да клинками. Тех же из зверей, кто, раненый, пятился назад, настигали стрелы. Одна из них вонзилась окровавленному Бархазу в левый глаз; пещерный топтыга жалобно взревел и инстинктивно развернулся спиной к обороняющимся, одновременно пытаясь неуклюже вытащить хвостовик из глазницы. В горб медведя тут же прилетело ещё с десятков стрел, а также парочка сулиц, сделав потапыча чем-то похожим на дикобраза. Пошатываясь от смертельных ран, Бархаз, явно находясь в прострации, неуверенно побрёл прочь, в сторону лесной чащи. Его же косолапые собратья, схоже утыканные стрелами да копьями, справно продолжали на поле боя оседать один за другим.

Львы выступили ненамного лучше волков и медведей; им таки удалось задрать нескольких людей, но потери саблезубых кошек были не менее болезненными: их также, словно несмышлёных котят, насаживали на копья да расстреливали из луков, и они ничего не могли с этим поделать. Ряды нападавших стремительно редели, а их натиск быстро ослабевал.

Между тем волки, заметившие гибель своего вожака, осознали: они остались без лидера, что только добавило сумятицы в их ряды. Немногие из ещё стоявших на своих лапах медведей испытывали схожие чувства; слепая ярость смешалась в головах атакующих с полной безнадёгой.

Но вот над Усваром, только что в бессильном гневе словившим и загрызшим, как себе и обещал перед боем, собаку викингов, раздался хлопот крыльев, и знакомое уханье Майлы гулко прокатилось над единственным оставшимся у льва левым ухом; правое ему чуть ранее отсекали пришедшимся вскользь ударом топора.

– Ревит отход, упрямец, пока вторую ракушку не отрубили! Покудова ещё не совсем поздно! Иначе всех тут загубишь!..

После этих слов серая сова резко взмыла ввысь и, с трудом увернувшись от прилетевших по её душу двух стрел, торопливо умчалась прочь, на ближайшее дерево. То есть туда, где её не смогут достать лучники.

Усвар же в запянке принялся осматриваться, и яростная пелена быстро спала с его глаз; он ясно увидел то, что ещё раньше разглядела Майла с высоты птичьего полёта: они проиграли эту битву. Незванные гости спокойно, даже деловито добивали бросающихся на них оставшихся в живых хищников, в действиях которых сквозила явная обречённость; в успешный для Лесного Братства исход боя никто из них уже не верил.

То тут, то там лежали окровавленные туши львов, медведей, волков и птиц; ближе же к стене щитов поле битвы представляло собой багряное болото; изрубленные на куски звериные туловища, наваленные друг на дружку, опознать уже не казалось возможным. По крайней мере, издалека. Лишь вблизи, по останкам, имелась вероятность различить того или иного павшего зверюгу.

Внезапно над полем боя, по центру обороняющихся, воспарила, а по-другому и не скажешь, человеческая фигура в тёмном балахоне. Неведомо как повисший в воздухе Хемминг (а это был не кто иной, как мглистый колдун собственной персоной) развёл руки в стороны и принялся что-то тихо бормотать себе под нос. В тот же миг большая серая туча над поляной шустро потемнела, а затем из неё, сопровождаемые грозовыми раскатами, взялись бить по нападавшим зверям искристые молнии, без разбору превращая волков, медведей и львов в

обугленные головешки, что окончательно сломило решимость хищников продолжать безрассудную атаку.

В сердце Усвара же и вовсе всё замерло; ледяной ужас сковал его нутро. Саблезуб только сейчас понял, что же он натворил. И вот над поляной раздался тоскливый рык; сигнал об отступлении, пусть и запоздало, но всё-таки прозвучал. Оставшиеся в живых звери тут же развернулись и в панике сиганули кто куда, пытаясь при этом петлять да изворачиваться, дабы увернуться от летящих следом копий, стрел и грозových молний.

Надо отдать должное Усвару: он ушёл с поля боя последним. Не преминув вместе с тем словить в правую заднюю лапу вострый гостинец; лучники у норегов были меткие. Но не стрела в лапе снедала спешно улепётывающего саблезубого кошака, а то, что кроме парочки сильно израненных львиц, кое-как упёхавших восвояси, никого более из своих клыкастых собратьев он не видел. В живых. Зато их мёртвые окровавленные тушки разглядел превосходно. Сквозь боль и обиду к Усвару пришла в голову потрясшая его мысль, что, похоже, гегемония львов в этих краях закончилась. Столь печальные думы, ещё утром просто невозможные по определению, нынче стали пугающей реальностью.

И лишь грустное уханье неясности раздалось вослед скрывшемуся в чаще Саблезубу; горький смех Майлы ещё долго отдавался в черепашке Усвара гулким набатом.

Тем часом пришлые люди вскинули мечи с топорами и восторженно заорали; феерическая победа, которую они только что одержали над сколь странным, столь и страшным врагом, вызвала у них просто невероятный шквал эмоций.

– Во славу Одина! – наконец разрозненные крики слились в единый стройный вопль. – Во славу Всеотца нашего!

– Раздери меня вброды Одноглазого, что это было?! – в изумлении воскликнул Бодвар, неторопливо ходя с окровавленным топором между мохнатыми багровыми тушами и добывая ещё дышащих зверей. Многие из викингов занимались тем же, попутно с любопытством рассматривая павших хищников. Особо норманнов заинтересовали львы. – Сколько битв я пережил, но с таким жутким противником лбами ещё не сталкивался!

– Согласен... – задумчиво проронил идущий рядом Сигурд. – Легенды-то у нас имеются как о саблезубых кошках-чудищах, так и о здоровенных пещерных медведях, да только и те, и те давно вымерли... По крайней мере, я так считал до сегодняшнего дня!

– Они и вымерли, – к конунгу и ярлу присоединился Хемминг, определённо слышавший последние слова огнегriвого главаря. – Только вымерли у нас, на Севере, да ещё на Западе. Но «вымерли», не совсем подходящее слово. Наши предки их всех уничтожили. Борьба за выживание длилась много веков, и в конце концов человек взял верх. Здесь же, в дремучих чащобах Запретной земли, богатых дарами леса, дичью и родниками, как видим, ещё остались немногочисленные представители львов и громадных топтыгиных. Впрочем, после сегодняшней битвы их количество явно сократилось ещё больше... А возможно, нынче мы и вовсе убили последних из них.

– Это я могу понять, – согласно кивнул Бодвар. – Чуждые угоды, по которым бродят доселе невиданные, диковинные звери. – Но вот чего мне не ясно, так это то, как они объединились в стаю! Вы когда-нибудь слыхивали о подобном?! Животинки разных пород безусловно действовали сообща! Будто у них есть разум!

– У них он и есть, не сомневайся, – снисходительно буркнул в ответ Хемминг. – Как и общий язык. Или язык леса, если хотите. Люди раньше тоже его понимали, пока не возвысились и не решили стать единовластными хозяевами всех земель, рек и морей до самого гори-

зонта. Я слышал об этом от своего наставника по чародейству. А он – от своего. Раньше звери могли действовать сообща. Причём не только меж собой, но ещё и с человеком заодно...

– Если призадуматься, мы все об этом слыхивали. Например, в наших легендах, кои я, признаюсь честно, в основной своей массе почитал за глупые побасёнки поехавших черепичкой старцев! – слегка смущённо проворчал Сигурд. – Но выходит, древние сказания не ввали! И здесь, на первобытных просторах, всё ещё сохранилось подобное удивительное единение природы! Мне вот только интересно: с людьми оно или без, то единство? Если верить глазам, на нас сигало одно лишь зверьё; русичей в их рядах не было.

– Возможно, они, так же как и мы, утратили способность понимать язык зверей и птиц?.. – Бодвар занёс двуручный топор и тут же с силой опустил его на морду всё ещё слабо дышащего льва, мощным ударом раскроив тому череп пополам. Кровь брызнула во все стороны, окропляя в первую очередь бородатую физиономию Тарана, и без того добро заляпанную липким багрянцем.

– Вполне вероятно, вполне, – с лёгким скепсисом произнёс Хемминг, затем принявшийся рассеянно размышлять вслух. – Но если вспомнить убитых нами ранее тут старика с мальчишкой, то представляется удивительным, как они в таком случае смогли выжить в окружении столь грозной оравы хищников? При этом, заметьте, тут ни ограды, ни тем более каких-либо укреплений или массивных срубов со рвом и кольями по периметру не было; двое русов вели себя очень беспечно и, по всей видимости, никого не боялись! В том числе и диких зверей.

– Верно! А ещё не стоит забывать о горе черепов на берегу, – мрачно прошелестел Бодвар. – Ведь при ближайшем, более тщательном осмотре выяснилось, что на многих черепушках имеются следы от стрел, топоров и мечей. Некоторые явно расколоты одним могучим ударом доброй стали. Сами разумеете, сотворили сие душегубство отнюдь не звери!

– Угу, верно говоришь, – согласился с Тараном конунг. – Потому нам необходимо в кратчайшие сроки построить тут крепость! Ибо интуиция подсказывает мне, что о русичах мы ещё услышим!.. И весьма скоро!

Глава 6. Под кроной тысячелетнего дуба

Спустя четыре дня после блестящей победы варягов над Лесным Братством

Вторая неделя октября выдалась на удивление тёплой; неожиданно-негаданно нагрянуло припозднившееся бабье лето, безжалостно разогнав на небесах сизые тучи и обласкав тёплыми лучиками уж было настроившуюся на ненастную погоду Русь.

Стремительно вечерело. На стыке леса и необъятных равнин, под кроной тысячелетнего дуба, пожелтевшие листья которого немного скукожились, но облетать и не думали, собрался Совет зверей. Впервые после сражения под Логигардом. Или бойни, как с горечью называли безрассудную атаку выжившие в сече хищники да сторонние наблюдатели вроде обожающих посплетничать белок, ворон, зайцев и прочих обитателей леса. Ведь битва с чужеземцами очень походила на учиняемый людьми домашний забой скота. С той лишь разницей, что Лесное Братство напросилось на убой само, отправившись на верную смерть по собственной воле. И оттого на поляне царило тревожное уныние, ибо даже недалёкие пичужки пусть и смутно, но осознавали: под Логигардом случилось непоправимое; потери атаковавших хищников оказались настолько велики, что это в корне меняло соотношение сил как в лесу, так и, соответственно, в Совете зверей; назрела явная необходимость обновить его состав. Причём кардинально.

С этой повестки Майла, первой почуявшая ветер перемен, и решила начать. Привычно сидевшая на своём излюбленном месте, то есть на нижней ветви тысячелетнего дуба, мудрая сова оглядела приглашённых на лесное вече и ухнула:

– Итак, начнём, пожалуй. Состав Совета нынче ужался аж до троих участников. Перечислю их для порядка: из старой гвардии ещё живы лишь я да ставший одноухим Усвар, крайние несколько годков неизменный властитель у львов, – Майла постаралась произнести последнюю фразу ровно, без намёка на издёвку или сочувствие, но песочный кошак, угрюмо зыркавший прямо перед собой, всё равно вздрогнул, как от удара хлыстом по хребту.

Серая неясить же взъерошила пёрышки и, понимая, что сегодня будет сказано ещё много чего неприятного, на секунду виновато потупилась, а затем твёрдо продолжила:

– Ну а теперь позвольте представить младшего брата павшего Хрума, а именно Токмаша, нового предводителя волков. Он является самым сильным из оставшихся... – на последнем слове Майла на мгновение неловко запнулась, но тут же принялась вещать далее, – собратьев и теперь будет представлять в Совете волчье племя.

Токмаш, крупный чёрный волк, так похожий внешне на своего старшего брата, лишь безрадостно кивнул в ответ, после чего выжидательно уставился в сторону Великих равнин. Оттуда к дубу неторопливо приближалась огромная тень, бывшая уже всего шагах в пятнадцати от поляны.

Смурной Усвар поднял морду и также воззрился на не спеша топающую к ним вразвалочку громадную тушу, под тяжёлой поступью которой, казалось, дрожала земля; в глазах льва сверкнуло мимолётное неодобрение, но высказать его вслух он не решился. Многое помнялось с последнего заседания Совета, и сейчас царь зверей предпочитал по большей части отмалчиваться; чувство вины за поражение в сече с викингами беспрестанно жгло его нутро, буквально сжирая Саблезуба изнутри.

– Как вы знаете, – Майла мимолётно, со скрытыми теплотой, надеждой и облегчением посмотрела на приближающегося, приглашённого ею лично старого друга, – Бархаз после боя сумел доползти до своей берлоги, где через пару дней от полученных ранений и умер. Также не выжил в битве ни один из его топтыжек, а значит, род пещерных медведей прервался и место в Совете освободилось. Предлагаю отдать сию сидушку Ярму; мне кажется, он её достоин, как никто другой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.